

Глава 36. Стрела, пронзившая небеса, вернула его

Еян Цы, один с мечом, оказался в самом центре вражеского строя. Го Сысян колебался между решением отправить подмогу и приказом во что бы то ни стало держать ворота. Ли Тань громко напомнил ему:

— Младший знаменосец Го, мой хозяин приказал вам защищать город!

Го Сысян понимал, что с их крошечными силами открытие ворот станет не подмогой, а приглашением волкам в овчарню. Но смотреть, как господин Еян в одиночку ведет безнадежный бой, было почти невыносимо.

Ли Тань с напряжённым детским лицом произнёс звонким юношеским говором:

— Это приказ уездного судьи Сяцзиня, а значит — военный приказ. Если выслушаетесь моего хозяина и самовольно откроете ворота, он больше никогда не будет вам доверять.

Сяоци Го стиснул зубы и выдал из себя команду:

— Целиться мимо алой фигуры, продолжать стрельбу!

На пути от городских ворот к каменному мосту и дальше, в поля, Еян Цы не считал, сколько разбойников-сянма он сразил. Может, двести, может, триста, а может, и больше. Ступая по грудам тел, он пробивался сквозь плотные ряды врагов к месту, где находились братья Жуань.

В ближнем бою, в плотном окружении, кони потеряли смысл, и нападавшие всадники превратились в пехоту. В непрерывной череде ударов, блоков и убийств силы чиновника медленно, но верно таяли.

Свист клинка у самого лица заставил его отклониться. Еян Цы уклонился, развернулся и одним движением перерезал противнику горло. Его алая одежда пропиталась брызгами крови — теперь было не разобрать, где цвет ткани, а где багрянец вражеской жизни.

Он устало перевёл дух. В глазах начало мутиться, и он вытер лицо рукавом.

Со вчерашней ночи и до этого мгновения он, не теряя ни минуты, занимался организацией обороны и командовал подготовкой, не съев ни крошки и не выпив ни капли. Огромный расход сил привел к тому, что старая слабость — непереносимость голода — снова дала о себе знать.

Братья Жуань кружили на краю схватки, скрежеща зубами от потерь и выжидая момент для удара. Заметив, что Еян Цы выдохся, Жуань Да обрадовался и крикнул:

— Я сам сниму его голову!

Разбойники расступились, образовав узкий проход. Жуань Да на коне ворвался в круг, и его палаш, усиленный инерцией скакуна, обрушился вниз.

Еян Цы откатился в сторону, уклоняясь от удара, подобного падению горы Тайшань. Опершись рукой о землю, он вскинул голову и снизу вверх посмотрел на врага:

— На щеках у тебя следы от жара, на руках — шрамы от кайла. Похоже, ты из тех шахтёров, которых нанял «Кровавый Колокольчик». Ди Хуадан сама не показывает, посылает вас, пешек, на смерть?

Услышав это, предводитель мародеров взревел от ярости:

— Смеешь называть своего деда пешкой! Сейчас я отрублю твою красивую башку и сделаю из неё чашу для вина!

Он спрыгнул с седла и, схватив рукоять обеими руками, замахнулся. Длинное и тяжёлое лезвие описало дугу холодного света, целясь прямо в лицо. Удар был яростным, как у обезумевшего тигра.

В глазах Еян Цы потемнело. Он снова ушел перекатом и нанёс выпад в ноги противника.

Жуань Да, используя своё тело как ось, отбил клинок, тут же развернулся и нанёс рубящий удар сверху, сопровождаемый звуком, подобным раскату грома.

Еян Цы, ориентируясь на слух, скользнул под его лезвием, словно облако, и его меч оставил глубокую рану на спине врага.

Разбойник взвыл от боли, попытался нанести колющий удар с разворота, но промахнулся. Тогда он снова замахнулся, нависая над судьей, словно чёрная туча.

Еян Цы ударил мечом по земле. Вверх взметнулась туча пыли и песка. Раз уж он всё равно ничего не видел, то решил лишиться зрения и противника. Воспользовавшись короткой заминкой Жуань Да, он нашёл брешь в обороне и одним выпадом пронзил ему грудь.

Окружавшие их разбойники пришли в смятение. Жуань Эр издал яростный, полный боли рёв.

Десятки наконечников копий и пик одновременно устремились к Еян Цы. Он отбил окружившее его оружие, и его меч унёс ещё семь или восемь жизней.

Жуань Эр, не покидая седла, метнул дротик на цепи. От бешеной скорости наконечник издал в воздухе хлопок. Этот звук затерялся в криках битвы, но Еян Цы почувствовал опасность спиной и, несмотря на звон в ушах и холодный пот, развернулся для блока.

Отбитый дротик мгновенно обвил его меч.

Младший Жуань хлестнул коня и рванулся вперёд, намереваясь свалить с ног противника, чьё оружие оказалось заблокировано.

Если Еян Цы сейчас отпустит рукоять, он останется безоружным. Если не отпустит — его повалят на землю, и тогда враги в мгновение ока изрубят его в куски.

В этот критический момент издали прилетела стрела с острым железным наконечником.словно небесный гром, она с воем пронзила спину Жуань Эра, прошла навывлет через сердце, поразила ещё двух разбойников и лишь на четвёртом застряла в кости.

Этот ужасающий выстрел поверг всех очевидцев в неопиcуемый шок.

Еян Цы дёрнул цепь на себя, и тело Жуань Эра с огромной дырой в груди рухнуло с коня. Железная цепь в руках судьи превратилась в подобие длинного гибкого меча, которым он в один замах смёл окружавших его людей.

Видя, что оба их предводителя убиты, а на горизонте появились чужие силы, оставшиеся мародёры дрогнули и с криками «Отступаем!» бросились врассыпную.

***

На городской стене Сюэ Тунань, всё это время с замиранием сердца следивший за боем, лишь увидев смерть Жуань Эра, смог наконец выдохнуть. Он осознал, что так долго не дышал, что в лёгких началась режущая боль.

Двадцать с лишним лет назад он был свидетелем великой битвы при Даоя в Северной Ляо. Тогда грохот сражения был подобен небесному гневу, а две армии казались гигантскими зверями, пожирающими друг друга. Но тогда он испытывал лишь благоговейный трепет, а не такое удушающее напряжение, как сегодня.

— Господин, может, спустимся со стены? — предложил слуга, заметив бледность чиновника и потрясая пустым колчаном.

Сюэ Тунань вытер рот и седую бороду, после чего покачал головой:

— Не нужно.

Он опёрся руками о зубец стены и наклонился вперёд.

«Пусть против меня тысячи, я всё равно пойду вперёд»

Застывшая кровь в его стареющем теле словно воспламенилась от вида одинокой алой фигуры внизу. Этот вид заставил его вспомнить те дни, когда его собственная вера была тверда как сталь, а смерть не пугала.

— Стыдно... — прошептал инспектирующий цензор. — Мы оба — чиновники империи, я должен был быть там, внизу, сражаться с ним плечом к плечу.

Слуга испугался, что старик действительно решит броситься в бой, и поспешил его остановить:

— Господин, уездный судья Еян — выдающийся мастер меча, он так просто не пропадет. Не беспокойтесь.

— Да, к тому же кто-то должен оставаться на стене, — вздохнул Сюэ Тунань. — Тот младший знаменосец ещё совсем неопытен, в критический момент мы сможем его направить.

Инспектирующий цензор понимал, что его призвание — не в размахивании мечом.

— Надеюсь, он вернётся невредимым, и Сяцзинь уцелеет, — сокрушённо произнес он. — С таким человеком стоило бы сойтись поближе, но сейчас я на секретном задании и не могу раскрыть себя. Придётся ждать подходящего момента в будущем.

***

Среди тел и луж крови Еян Цы тяжело дышал, опираясь на кончик меча. Он посмотрел в ту сторону, откуда прилетела спасительная стрела. С трудом прогнав пелену перед глазами, он увидел всадника.

На склоне холма стоял высокий мужчина. В его руках был огромный лук «Раскалывающий Небеса».

Это был Цинь Шэнь!

Князь Гаотан должен был сейчас находиться в окружении своей гвардии на пути к малому князю Лу, но по какой-то причине он в одиночку вернулся к стенам Сяцзиня.

Натянутая струна в душе Еян Цы лопнула. Он облегченно выдохнул и увидел, как Цинь Шэнь, хлестнув коня, во весь опор несется к нему.

***

Князь Гаотан получил приказ отправиться в Ляочэн, но когда его отряд достиг уезда Цинпин, ему доставили срочное донесение.

— Ди Хуадан захватила Гаотан, вырезала управу и убила окружного судью Сюй Вэйпина. Цяньху Гэ Ляо из Линьцина под шумок поджёг вашу резиденцию, — Цзян Ко протянул господину запечатанное письмо. — Ваше Высочество, наш дом сожжён дотла, не осталось и камня на камне!

Цинь Шэнь сжал бумагу в кулаке.

— Я знал, что как только мы уедем, второй брат нацелится на Гаотан. Поэтому я заранее отослал людей и спрятал всё ценное. Он всё-таки решился. Хочет отрезать мне пути к отступлению и навсегда оставить в Ляочэне.

— Простите мою дерзость, князь, но я должен сказать, — Цзян Ко едва сдерживал гнев. — Малый князь Лу обезумел. Раз он решил загнать вас в могилу, зачем вам щадить его? Если вы не убьёте его, он убьёт вас!

Цинь Шэнь скомкал письмо и бросил его в пламя свечи. В тусклом свете его лицо казалось бездонным провалом, но в зрачках на миг отразился огонь, словно зашевелился затаившийся дракон.

— Если действовать, то бить наверняка, — сказал он верному соратнику. — У меня нет права на ошибку. Эта поездка в Ляочэн может стать для меня последней. Ты всё ещё готов следовать за мной?

Цзян Ко упал на колени:

— Я рождён от рабыни и не знал отца, с детства терпел лишь унижения. Когда я стал Чёрным лодочником и попытался ограбить вас, я заслуживал смерти. Но вы не только пощадили меня, но и выкупили мою мать из рабства, обеспечив ей старость. Моя жизнь принадлежит вам. Я последую за вами куда угодно.

Князь Гаотан коснулся его плеча, побуждая подняться.

— Это я тогда был слишком молод. Будь я таким, как сейчас, я бы просто приказал привязать к тебе камень и бросить в реку.

Он произнес это бесстрастно, но Цзян Ко хорошо знал своего господина:

— Мягкосердечный или жестокий, карающий или милующий — для меня вы всегда будете бодхисаттвой.

«Бодхисаттва с милосердным сердцем и громовыми деяниями... Разве я достоин таких слов?»

Цинь Шэнь тихо вздохнул:

— Завтра в путь, иди отдыхать.

Мужчина ушёл, но не прошло и четверти часа, как он снова постучал.

— Ваше Высочество, ещё одно донесение. Пришло следом.

В комнате было душно. Цинь Шэнь уже успел раздеться и прилечь, но, услышав возвращение Цзян Ко, понял, что сна не будет. Он встал и впустил командира. Пока князь читал, тот накинул на его плечи халат.

— Разбойники, разграбив Гаотан, двинулись к Сяцзиню, — произнес Цинь Шэнь, и его пальцы впились в бумагу.

Цзян Ко побледнел:

— От Гаотана до Сяцзиня — час езды. Значит, они уже там! Гаотан пал за полчаса, а стены Сяцзиня совсем ветхие. Как они выдержат натиск тысяч всадников? Князь, господин Еян всё ещё там!

Цинь Шэнь хранил молчание.

— Господин, позвольте мне взять людей и отправиться на помощь! — вызвался Цзян Ко. — Я клянусь, что вытащу его, чего бы мне это ни стоило.

За окном шелестела листва, тени на лице князя плясали в такт пламени свечи. Он словно замер на грани, погрузившись в странное оцепенение, точно снова опьянел от того самого абрикосового вина.

«Любовь — это такая вещь, которой стоит лишь слегка коснуться. Если увязнуть в ней, как в болоте, из которого не выбраться — это станет концом»

«Это необузданный скакун, которого нужно держать в узде изо всех сил. Я думал, что мне никогда не придётся об этом заботиться»

«Я никого не люблю, так какая разница, содомит я или нет!»

«Взаимная выгода, сотрудничество — вот самые прочные узы в мире»

«Раз это всего лишь сделка, то нужно считать выгоду. Сделку можно расторгнуть, партнёра — заменить. Зачем рисковать головой ради того, что не приносит пользы?»

Мысли Цинь Шэня путались. Он закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в руках, и непроизвольно сжал чётки на запястье. Неровные бусины бодхи с вырезанным текстом сутры больно впились в кожу. Эта боль пахла белой сливой, она проникала в самую кровь.

Князь резко открыл глаза.

— Я поеду один.

— Что?! — Цзян Ко не верил своим ушам. — Это безумие! Ваше Высочество, одумайтесь!

— Если я заберу отряд, второй брат сразу поймет, что что-то не так, — отрезал Цинь Шэнь. — Я съезжу туда и обратно максимально быстро. Ты поведешь основную колонну дальше на юг. Никто не должен заметить, что меня нет в карете.

Он сорвал с себя легкий халат и схватил свой повседневный княжеский наряд.

— Снимай одежду, меняемся. Теперь ты — князь Гаотан. Днём не выходи из кареты, ночью заезжай прямо во внутренний двор резиденций. Мы почти одного роста, если будешь осторожен — никто не заподозрит подвоха.

Командиру ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Переодеваясь, он негромко спросил:

— Ваше Высочество действительно пойдет на такой риск ради господина Еяна?

Цинь Шэнь, застегивая ворот, ответил с ледяным спокойствием:

— Я делаю это ради своих невесток и племянника, которые сейчас в Сяцзине.

Только тогда Цзян Ко понял истинную глубину их связи. Это было больше, чем страсть или увлечение. Это была верность на грани жизни и смерти.

Заметив взгляд подчиненного, князь искоса посмотрел на него:

— О чём ты там мечтаешь? У нас с ним просто мимолетная интрижка. Принеси мой лук и меч.

***

В ту ночь Цинь Шэнь в одиночку, под светом холодных звезд, скакал более двух часов. Он успел к самым стенам Сяцзиня как раз к рассвету.

Стрела, пущенная им в Жуань Эра, потребовала всех его сил. Из-за чудовищного натяжения тетива, словно бритва, ударила по костяному кольцу лучника — шэ — на его большом пальце. Кольцо не выдержало и треснуло, оставшись висеть лишь на кожаном ремешке под чётками.

Цинь Шэнь сорвал обломки и сунул их за пояс.

«Пятое за три года», — горько подумал он. — «Всего их было семь. Пока не закончится последняя кость от ног «Десяти тысяч пиков зелёных гор», я обязан найти и вернуть тело отца».

Это был единственный срок, который он признавал.

<http://bllate.org/book/15875/1443907>